
ОБЗОРЪ ЖУРНАЛОВЪ.

Русскіе философскіе журналы за 1901-й годъ. „Вопросы философіи и психологіи“.

(Окончаніе) ¹⁾.

Статьи 59 и 60 книжекъ „Вопросовъ философіи и психологіи“ (кн. 4 и 5 за 1901 г.)—А. А. Токарскій, какъ ученый и человѣкъ.—Статья г. Борисова объ истинномъ націонализмѣ.—Проф. Челпановъ объ апіорныхъ элементахъ познанія.—Максъ Штирнеръ, какъ вицеанецъ 40-хъ годовъ въ изображеніи г. Саводника.—Статьи Софронова: „Механика общественныхъ идеаловъ“ и Яроцкаго: „Объективная необходимость прогресса“.—
Статьи, посвященныя памяти Сергѣя Сергѣевича Корсакова.

Въ четвертой книжкѣ „Вопросовъ философіи и психологіи“ за 1901 годъ (кн. 59) помѣщены прежде всего статьи А. Н. Бернштейна, Л. М. Лопатина, Г. А. Рачинскаго и А. Нечаева, посвященныя памяти Ардаліона Ардаліоновича Токарскаго, скончавшагося 25 іюля прошлаго года (стр. V—XX). Покойный былъ извѣстный и, можно сказать, выдающійся врачъ-психіатръ. Въ психологическомъ обществѣ онъ былъ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ: и самъ прочиталъ онъ не мало рефератовъ, и особенно любилъ участвовать въ преніяхъ по поводу разныхъ ученыхъ и философскихъ докладовъ. Какъ убѣжденный позитивистъ, онъ съ наибольшей горячностью возставалъ противъ всякаго рода метафизическихъ построеній вообще и противъ спиритуалистической метафизики въ частности. Его возраженія часто бывали пылки, остроумны и даже прямо эффектны. А обладая достаточно солидными знаніями и по вопросамъ,

---

¹⁾ См. въ іюньской книжкѣ „Богословскаго Вѣстника“ (стр. 327—344).

выходящимъ изъ круга его спеціальныхъ занятій, онъ почти всегда умѣлъ внести дѣйствительно цѣнныя поправки къ сужденіямъ своихъ противниковъ. „Въ русской психологіи, по словамъ Л. М. Лопатина, за покойнымъ остаются двѣ очень крупныя заслуги: онъ былъ однимъ изъ первыхъ научныхъ изслѣдователей гипнотизма въ Россіи, чрезвычайно многосторонній, вполне самостоятельный и не увлекающійся никакими предвзятыми мнѣніями; далѣе, онъ одинъ изъ первыхъ въ Россіи ввелъ практическое знакомство съ методами экспериментальной психологіи и въ устроенной имъ при психіатрической клиникѣ психологической лабораторіи произвелъ рядъ работъ, иногда приводившихъ къ поразительно оригинальнымъ и новымъ выводамъ“.

Въ той же книжкѣ помѣщена очень интересная статья г. П. Борисова: „Въ чемъ же истинный націонализмъ“? Авторъ прежде всего старается выяснить, какъ мы должны смотрѣть на родину и какъ любить ее. Въ этомъ случаѣ онъ пытается объединить воззрѣнія Герцена и славянофиловъ. „У насъ и у нихъ, — писалъ Герценъ о славянофилахъ и о себѣ съ друзьями, — съ раннихъ лѣтъ залегло одно сильное, безотчетное, фізіологическое, страстное чувство, которое они принимали за *воспоминаніе*, а мы за *пророчество*, — чувство безграничной, охватывающей все существованіе, любви къ русскому народу, къ русскому быту, къ русскому складу ума“. Самъ г. Борисовъ разсуждаетъ слѣдующимъ образомъ: „Мы любимъ родину, какъ дитя любить мать. Прекрасное сравненіе! Оно у всѣхъ на устахъ, всѣмъ сродни. Но родина намъ не только мать. Она въ такой же мѣрѣ—наше дитя. Мы въ сознательной и безсознательной жизни, духовно и матеріально, одно поколѣніе за другимъ, творимъ и растимъ нашу родину. Своей кровью и мышцами мы питаемъ ея тѣло, своими стремленіями и помыслами мы напояемъ ея душу. Мы творимъ ея живую и вѣчно мѣняющуюся ткань. Въ разной мѣрѣ, но всѣ безъ исключенія, мы повинны въ этой творческой работѣ. Все это не пустая игра словъ и не мистическія бредни. Въ нашемъ отношеніи къ родинѣ сливаются двѣ стихіи—созидающая и дающая, охраняющая и воспринимающая, *пророчество* и *воспоминаніе*. Мать - дитя! въ этомъ символѣ разгадка мучительно искреннихъ споровъ о томъ, что любить въ родинѣ: дѣйствительность на-

стоящаго дня или мечту о завтрашнемъ, спокойствіе существующаго или бурю и натискъ идущаго ему на смѣну будущаго. Мать держитъ насъ въ рукахъ, даетъ намъ приказанія, дитя слушается насъ и, во всякомъ случаѣ, хочетъ оно того или не хочетъ, живетъ и растетъ подъ нашимъ вліяніемъ. Какъ же любить это двойственное и въ то же время единое существо? Какъ удовлетворить и мать и дитя? Въ этомъ вопросѣ авторъ и полагаетъ смыслъ темы: „въ чемъ истинный націонализмъ?“ (стр. 494—496). Въ одежду „національнаго духа“ можетъ облекаться весьма различное содержаніе. „Формальная идея національнаго духа, говоритъ авторъ, выражаетъ безконечный,—съ точки зрѣнія отдѣльныхъ личностей и поколѣній,—процессъ, содержаніе котораго постоянно течетъ, въ которомъ „сегодня“ всегда споритъ съ „вчера“ и „завтра“, въ которомъ все, какъ бы оно ни строилось основательно, столь же основательно разрушается и перестраивается. Нѣтъ никакого опредѣленнаго психическаго содержанія, которое могло бы заявлять и поддерживать претензію на монопольное обладаніе формою національнаго духа. Сегодня ты, завтра я—такъ можетъ сказать одно содержаніе, теченіе, направленіе другому. Коллективный духъ стихійнымъ процессомъ одно отберетъ, другое отброситъ и такъ далѣе, до безконечности. Никакая мысль, никакая форма — государственная или общественная — не можетъ быть неприкосновенна предъ этимъ могущественнымъ сверхъиндивидуальнымъ, или соборнымъ творчествомъ, за исключеніемъ тѣхъ условій, которыя обезпечиваютъ свободный ходъ и богатство самого великаго творческаго процесса“. Съ этой точки зрѣнія, приходится разъ навсегда отвергнуть, какъ ложныя въ основѣ, всякія догматическія попытки опредѣлить разъ навсегда содержаніе національнаго духа и направленіе его развитія: „Между тѣмъ нашли люди, говоритъ авторъ, называющіе себя истинными націоналистами, которые увѣрили себя и другихъ, что имъ удалось узрѣть національный духъ и снять съ него даже не одну фотографію въ разныхъ позахъ: религіозной, государственной, общественной. Эти изображенія они предлагаютъ всѣмъ и каждому, по нимъ они желаютъ лѣпить (или коверкать?) живое лицо народа. На кого похожъ русскій національный духъ: на Салтыкова или на Каткова, на митро-

полита Филарета или на Льва Толстого? Наши націоналисты рѣшаютъ очень просто этотъ вопросъ: они начинаютъ національный духъ своими идеями и приглашаютъ насъ поклониться и преклониться предъ этимъ ихъ собственнымъ духомъ, ихъ же указомъ возведеннымъ въ рангъ „национальнаго“. И сдѣлавъ это, они посылаютъ въ соответствующее мѣсто ходатайство объ отдачѣ всѣхъ реальныхъ проявленій духовно-общественнаго творчества подъ надзоръ полиціи“ (стр. 497 — 498). Самъ авторъ является горячимъ сторонникомъ свободнаго и ничѣмъ не стѣсненнаго развитія личности, какъ гарантіи истинно національнаго прогресса и правильнаго проявленія національнаго духа (стр. 503 и слѣд.). Отмѣчая эти здравыя и гуманныя воззрѣнія автора, мы не можемъ однако одобрить того, что онъ называетъ ихъ „истиннымъ націонализмомъ“. Конечно, эпитетъ „истинный“ предостерегаетъ отъ внесенія въ понятіе любви къ родинѣ нѣкоторыхъ неподобающихъ элементовъ, обыкновенно характеризующихъ націонализмъ. Но понятіе „націонализма“, какъ именно національнаго эгоизма и національной исключительности и склонности выдавать интересы и аппетиты нѣкоторыхъ отдѣльныхъ классовъ за истинныя задачи всего народа, установилось уже настолько прочно, что, думается, всякія попытки исправлять его настолько же неумѣстны, какъ неумѣстно было бы разсуждать объ „истинномъ эгоизмѣ“ или „истинномъ своекорыстіи“. По нашему мнѣнію, терминъ „націонализмъ“ надо оставить въ его обычномъ значеніи и разумѣть подъ нимъ дурную форму патріотизма, подобно тому, какъ на ряду съ очень многими добродѣтелями существуютъ очень похожіе на нихъ пороки: бережливость и скупость, благочестіе и ханжество, осторожность и трусость и т. д.

Слѣдующая помѣщенная въ этой книжкѣ статья г. Г. Челпанова: „Объ апріорныхъ элементахъ познанія“ (стр. 528—559) оканчивается въ слѣдующей 5 кн. (стр. 699—747). Помѣщенное въ 4 кн. посвящено собственно понятію числа. Разумѣя подъ апріорными понятіями такія понятія, которыя „имѣютъ опредѣленное значеніе для опыта, но сами не получаютъ изъ опыта“, авторъ считаетъ понятіе числа апріорнымъ. „Оно не получается изъ опыта, потому что въ его содержаніи нѣтъ того, что содержатъ предметы, дающіе начало

этому понятію, но въ то же время мы этимъ предметамъ приписываемъ числовыя свойства. Слѣдовательно, мы вносимъ въ предметы нѣчто отъ себя“. „Понятіе числа есть продуктъ дѣятельности нашего ума. Умъ творить его изъ себя и приноситъ его въ познаніе внѣшняго міра, но творить по поводу внѣшнихъ впечатлѣній“ (стр. 559). Окончаніе статьи въ 5 кн. устанавливаетъ апріорность понятій времени, причинности и пространства. Сюжетъ, трактуемый авторомъ, конечно, не новъ и общаго интереса не представляетъ; но для интересующихся гносеологической проблемой его очерки имѣютъ цѣнность, какъ благодаря своеобразію нѣкоторыхъ его аргументовъ, такъ и потому, что даютъ возможность лишній разъ поразмыслить надъ основами апріоризма, этой весьма важной гносеологической проблемы.

Тоже въ двухъ книжкахъ (кн. 59 [4], стр. 560—614 и кн. 60 [5], стр. 748 — 782) г. В. Ф. Саводникъ даетъ очеркъ: „Ницшеанецъ сороковыхъ годовъ. Максъ Штирнеръ и его философія эгоизма“. Автору представляется важнымъ рѣшить вопросъ „о причинахъ распространенія и популярности ницшеанскихъ взглядовъ среди современнаго общества, воспитаннаго подъ совершенно противоположными нравственными вліяніями“. „Этотъ вопросъ, говоритъ онъ, приобретаетъ особенное значеніе, если сопоставить успѣхъ Ницше съ судьбой одного изъ его предшественниковъ, выступившаго полвѣка тому назадъ съ книгой, основныя идеи которой во многомъ напоминаютъ взгляды Ницше, и въ настоящее время такъ основательно забытаго, что современному біографу его только съ большимъ трудомъ удалось собрать кое какія свѣдѣнія о его жизни и личности“. Авторъ разумѣетъ именно Макса Штирнера (псевдонимъ Югана Каспара Шмита). Систему свою самъ Штирнеръ называетъ философіей чистаго эгоизма, но г. Саводникъ, вслѣдъ за другими писавшими о Штирнерѣ, предпочитаетъ называть ее философіей чистаго субъективизма или индивидуализма. Штирнеръ исходитъ изъ того взгляда, что въ настоящее время человѣческая личность находится въ состояніи полнаго рабства, что она постоянно приносится въ жертву всевозможнымъ призрачнымъ сущностямъ, идеямъ и идеаламъ, что она сама въ какомъ то ослѣпленіи наложила на себя тягостныя оковы всевозможныхъ нравственныхъ чувствъ и по-

нятій, признаваемыхъ священными и незыблемыми. „Какъ много говорятъ намъ о должномъ, о долгѣ,—пишетъ онъ.—Прежде всего на меня возлагается долгъ по отношенію къ Богу, затѣмъ на мою обязанность возлагаютъ дѣло человечества, дѣло истины, свободы, гуманности, справедливости; потомъ идетъ еще народное дѣло, общественное дѣло, которымъ я обязанъ служить, и только мое дѣло никогда не можетъ стать вполнѣ моимъ дѣломъ, иначе я прослышу грубымъ эгоистомъ.—Но развѣ Богъ, или народъ, или общество, или человечество, которымъ я обязанъ служить, не пользуются моимъ служеніемъ эгоистически? Положимъ, напр., вы работаете для общества, или для народа, для человечества, жертвуете собой для его будущаго благосостоянія;—развѣ общество не пользуется вами для своихъ, т. е. эгоистическихъ цѣлей? И кто оказывается въ данномъ случаѣ въ выигрышѣ, вы или общество? Точно такъ же въ выигрышѣ оказывается народъ и человечество на счетъ отдѣльныхъ индивидуумовъ, исполняющихъ по отношенію къ нему лишь роль самоотверженныхъ слугъ“. Съ такимъ положеніемъ дѣлъ, думаетъ Штирнеръ, слѣдуетъ радикально покончить. Человѣкъ долженъ наконецъ сознать себя самодовлѣющей единицей, долженъ отъ болѣзненныхъ блужданій въ туманныхъ областяхъ идеала вернуться къ своему здоровому эгоизму. Книга его: „Der Einzige und sein Eigenthum“ распадается на двѣ главныя части; первая озаглавлена: „Человѣкъ“, вторая—„Я“. Первая часть начинается съ краткой характеристики человѣческой жизни въ ея различныхъ періодахъ. Въ дѣтствѣ, говоритъ Штирнеръ, человѣкъ реалистиченъ: все окружающее существуетъ для него въ качествѣ непосредственно данныхъ объектовъ; юношей онъ становится идеалистичнымъ, стараясь уразумѣть смыслъ этихъ объектовъ, ихъ идею и значеніе, и только становясь зрѣлымъ мужемъ, человѣкъ переходитъ къ новой, единственно правильной точкѣ зрѣнія—эгоистической, когда въ центрѣ всего міросозерцанія становится само Я, и всѣ вещи рассматриваются только съ точки зрѣнія интересовъ и желаній этого „Я“. Такому ходу развитія единичнаго человѣка соответствуетъ и общій ходъ исторической жизни всего человечества (1, античный міръ, 2, средніе вѣка и новое время и 3, эпоха послѣ появленія книги „Der Einzige“). Въ пер-

вой части своей книги Штирнеръ энергично полемизируетъ противъ всевозможныхъ идеаловъ,—чисто моральныхъ, социальныхъ, политическихъ и пр. По его мнѣнію, служеніе всякому идеалу несправедливо приносить въ жертву насущные интересы индивидуума. Напр., чувство любви къ чловѣку вообще часто приводитъ къ тому, что мы остаемся совершенно равнодушными къ судьбѣ отдѣльныхъ людей или даже готовы принести ихъ въ жертву излюбленному идеалу: „Та дѣвушка модистка, блѣдную головку которой, склоненную надъ ея тяжелой работой вижу я иногда по вечерамъ въ окнѣ сосѣдняго дома, развѣ не пожертвовала она счастьемъ и радостями жизни ради идеи нравственной чистоты и цѣломудрія? Развѣ знаемъ мы, какой цѣной купила она свое спокойствіе, какую тяжелую и упорную борьбу вела она противъ порабощенныхъ инстинктовъ и желаній, пока не отцвѣла ея молодость и не смирилась кипящая кровь? И что же въ результатѣ?—Медленное, одинокое, безрадостное увяданіе, жизнь добродѣтельной муміи, скрашенная только печальнымъ утѣшеніемъ, заключающимся въ сознаніи побѣды, одержанной надъ собой, надъ своей природой. Порабощенная внушенными ей понятіями, чувствами, идеалами, она всю жизнь посвятила тому, что считала своимъ долгомъ, своей нравственной обязанностью, посвятила служенію анемичному и безстрастному идеалу нравственности, и, быть можетъ, даже гордится принесенной ею жертвой“. Одинаково отрицательно относится Штирнеръ и ко всѣмъ видамъ либерализма, и къ социализму, видя въ нихъ все то же порабощеніе личности. Положительные взгляды Штирнера исчерпываются проповѣдью безграничной свободы индивидуума отъ всякихъ идеаловъ и внѣшнихъ обязательствъ. Съ Ницше сближаетъ Штирнера его индивидуализмъ и, затѣмъ, вражда къ отвлеченному рационализму. Кромѣ того, оба относятся отрицательно къ явленію совѣсти, считая ее „вошедшею внутрь болѣзнью“ слабого чловѣка, жестокостью, обращенною на него самого (Ницше), или же шпиономъ и соглядатаемъ, тайной полиціей чловѣка (Штирнеръ). Но отсутствіе у Штирнера того эстетизма, которымъ такъ сильно отличается и подкупаетъ Ницше, лишаетъ его возможности когда либо стать популярнымъ. Въ заключеніе г. Саводникъ говоритъ, что и успѣхъ

Ницше есть лишь временное явление, и что „будущее принадлежит идеализму, такъ какъ въ немъ одномъ человечество находитъ цѣль и смыслъ своего существованія“. Очеркъ г. Саводника читается съ несомнѣннымъ интересомъ. Мы только думаемъ, что незачѣмъ было автору модернизировать свою чисто историческую тему, притягивая разсмотрѣнiе Штирнера къ выясненiю успѣха Ницше. Последнiй вполне объяснимъ и безъ Штирнера, а Штирнеръ для своего пониманiя совсѣмъ не нуждается въ провозглашенiи его „ницшеанцемъ“. Развѣ страницы „Вопросовъ философи и психологiи“ не открыты и для чисто историческихъ работъ по философи, не приуроченныхъ непременно къ злободневнымъ интересамъ современности?

Кромѣ разсмотрѣнныхъ статей, въ специальномъ отдѣлѣ 59 и 60 книжекъ „Вопросовъ“ помѣщены статьи г. Ф. Софронова: „Механика общественныхъ идеаловъ“ (стр. 301—341 и 433—473) и А. И. Яроцкаго: „Объективная необходимость прогресса“ (стр. 342—375 и 474—495). Первая имѣетъ дѣло съ попытками сообщить философскiй характеръ социологiи посредствомъ введенiя въ нее телеологическаго принципа для объясненiя построения идеаловъ. Это новое движенiе въ социологiи авторъ называетъ „синтезирующимъ телеологизмомъ“ и различаетъ въ немъ три формы. „Въ первой мы имѣемъ дѣло съ субъективной, психологической телеологiей. Во второй телеологiя понимается, какъ гносеологически - необходимая закономерность. Третья представляетъ собою возвращенiе къ трансцендентной метафизикѣ. Русская субъективная социологiя принадлежитъ къ первой формѣ, социальное направленiе въ нео-кантианствѣ послѣдняго времени—ко второй, представителемъ третьей является у насъ въ настоящее время, между прочимъ, Струве“. Авторъ относится отрицательно ко всѣмъ этимъ попыткамъ и настаиваетъ на томъ, что „знанiе, единственная сфера объективнаго, должно сконцентрировать свои силы, понять себя, какъ исключительную систему каузально связанныхъ реальныхъ фактовъ, и отграничиться отъ всякихъ этическихъ, гносеологическихъ, метафизическихъ и иныхъ обоснованiй“. Авторъ другой изъ названныхъ статей ставитъ себѣ и рѣшаетъ въ положительномъ смыслѣ вопросъ: „можетъ ли субъективная вѣра въ прогрессъ, какъ процессъ роста че-

ловѣческой личности, быть обоснована на объективных данныхъ современнаго знанія?“ Первая статья представляеть узко-спеціальныи интересъ, а вторая легко можетъ быть рекомендована и не-спеціалистамъ.

Наконецъ, въ первомъ отдѣлѣ 60-ой кн. слѣдуетъ отмѣтить статьи, посвященныя памяти Сергѣя Сергѣевича Корсакова, выдающагося ученаго-психиатра, мыслителя, профессора и,—что еще важнѣе,—рѣдкаго человѣка по качествамъ своихъ души и сердца. Статьи эти (стр. I—XIII) принадлежать: проф. В. Роту („С. С. Корсаковъ, какъ человѣкъ и общественный дѣятель“), В. П. Сербскому („Къ характеристикѣ научнаго значенія С. С. Корсакова“), Л. М. Лопатину („Личность и міросозерцаніе С. С. Корсакова“), А. Н. Бернштейну („Психологическія и философскія воззрѣнія С. С. Корсакова“) и Н. П. Постовскому („С. С. Корсаковъ, какъ клиницистъ-преподаватель“). Очень удачно характеризуетъ покойнаго С. С-ча, какъ человѣка, проф. Ротъ, когда говоритъ, что у него въ самыхъ „разныхъ лагеряхъ не оказывалось враговъ; у него могли быть только друзья, и если шла война, то война взаимно помогавшихъ другъ другу соратниковъ въ борьбѣ съ общимъ врагомъ—темнотою невѣжества“. А г. Сербскій находитъ возможнымъ примѣнить къ самому С. С. написанные послѣднимъ стихи на смерть одного хорошаго человѣка и его близкаго друга (С. А. Юрѣва):

„Въ бесѣдѣ дружеской, въ словахъ
 „Случайно сказанныхъ,—вездѣ
 „Твердилъ онъ о любви, добрѣ,
 „О жизни, разума достойной,
 „И о значеніи въ мірѣ—стройной,
 „Какъ хоры, связи всѣхъ явленій
 „И человѣческихъ хотѣній.
 „Онъ жилъ и дѣлалъ, какъ училъ;
 „Все, въ чемъ душа есть, онъ любилъ,
 „Всему прекрасному молился,
 „Со всѣмъ нечистымъ, живымъ бился“.

Выдающийся ученый, оказавшій цѣнныя услуги наукѣ, напр., классическимъ описаніемъ новой просмотрѣнной до того болѣзненной формы, за которою уже утвердилось названіе Корсаковской (полиневритическій психозъ или *cerebropathia psychica toxæmica*), С. С. сообщилъ совершенно новую поста-

новку и самой психіатрической практикѣ, совершенно устранить связываніе пациентовъ введеніемъ т. н. системы нестѣсненія (no restraint) ¹⁾, одинъ изъ первыхъ въ Россіи

1) „Двадцать лѣтъ назадъ, пишетъ г. Сербскій, общее положеніе психіатрическаго дѣла въ Россіи было по истинѣ ужаснымъ. Земскія больницы оставались въ томъ же невозможномъ видѣ, въ какомъ онѣ перешли въ вѣдѣніе земствъ отъ приказовъ. Первая земская больница для душевно больныхъ, специально для этого построенная и отвѣчавшая современнымъ для той поры требованіямъ, была открыта тверскимъ земствомъ въ Бурашевѣ лишь въ 1884 году. Раньше она, какъ и въ другихъ губернскихъ городахъ, подъ именемъ дома умалишенныхъ, составляла придатокъ къ общей больницѣ, придатокъ одинаково непріятный и для врачей, и для администраціи и терпимый лишь какъ неизбежное зло... Завѣдываніе этой больницей было самое неряшливое... Лѣченія не было; но вмѣсто него въ широкихъ размѣрахъ практиковалось усмиреніе во всѣхъ видахъ: чаще всего для этого служили: ключи сторожей, холодные души, связываніе въ тяжелые кожаные рукава, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ цѣпи и кандалы, почти всюду сажаніе въ темную и холодную. И это не одно только названіе, это—дѣйствительно совершенно темное и не отопляемое помѣщеніе, которое служило для укрощенія наиболѣе безпокойныхъ. Одно изъ такихъ помѣщеній я видѣлъ всего 15 лѣтъ назадъ: въ маленькомъ чуланѣ находились: кожаная кушетка и два прочныхъ деревянныхъ кресла, каждое съ дыроу посредникѣ; больше тамъ уже ничего нельзя было поставить, едва оставалось мѣсто для прохода. Самый возбужденный больной, связанный въ рукава, кромѣ того, привязывался еще неподвижно къ кушеткѣ; двое другихъ, тоже въ рукавахъ, прикручивались къ кресламъ,—и въ такомъ видѣ они должны были оставаться всю ночь, а иногда и больше — до усмиренія,—награждая другъ друга отборною бранью и взаимнымъ ослепаніемъ. Таково было положеніе если не во всѣхъ, то въ громадномъ большинствѣ провинціальныхъ больницъ. Но и въ Москвѣ дѣло стояло немногимъ лучше... Отъ врачей требовалось только одно специальное знаніе—это умѣнье связывать больныхъ... С. С. Корсаковъ, въ 1881 году, завѣдуя одною частною лѣчебницей, рѣшаетъ изгнать примѣненіе какихъ либо насильственныхъ мѣръ при лѣченіи душевно больныхъ и первый не только въ Москвѣ, но и въ Россіи, отказывается безусловно отъ употребленія горячечной рубашки и связыванія больныхъ въ какомъ бы то ни было видѣ... Первая проба была очень тяжелая: какъ разъ въ тотъ годъ въ лѣчебницѣ находился крайне возбужденный и обладавшій громадною физическою силою больной съ наклономъ къ разрушенію; достаточно сказать, что послѣ его выздоровленія (въ прежнее время выздоровленіе вообще было явленіемъ исключительнымъ, а при новой системѣ стало нерѣдкимъ) пришлось заново ремонтировать тотъ флигель, въ которомъ онъ находился. Конечно, произведенныя этимъ больнымъ разрушенія въ значительной степени зависѣли отъ новизны дѣла и недостаточной еще опытности самихъ руководителей, но это

рекомендоваль способъ т. н. посемейнаго призрѣнія и т. п. Не оставался онъ равнодушнымъ и къ общимъ вопросамъ, а выработалъ себѣ довольно полное и своеобразное философское мировоззрѣніе, для сужденія о которомъ его печатные труды даютъ, впрочемъ, мало матеріала. Л. М. Лопатинъ ставитъ мировоззрѣніе Корсакова въ связь съ нравственнымъ характеромъ его личности. А о его нравственной личности онъ говоритъ въ самыхъ восторженныхъ выраженіяхъ. „Онъ, по словамъ Лопатина, сразу явился на жизненной сценѣ вполне опредѣленною, литою фигурой, къ которой дальнѣйшему духовному росту, казалось, нечего было прибавить. „Если бы я былъ Діогеномъ, то, встрѣтивъ Корсакова, потушилъ бы фонарь свой““, сказалъ одинъ его товарищъ еще въ эпоху его студенчества. Но личность Корсакова въ своихъ наиболѣе драгоцѣнныхъ свойствахъ сложилась еще гораздо раньше студенческаго времени“. Авторъ приводитъ изъ написанной Корсаковымъ еще въ 11-лѣтнемъ возрастѣ рукописи подъ заглавіемъ „правила жизни“ нѣсколько весьма характерныхъ выдержекъ. Самъ Корсаковъ, перечитывая позднѣе эти правила, остался очень доволенъ ихъ содержаніемъ, въ которомъ „проявляется и высокая преданность Богу, почти безконечная любовь къ Нему, и желаніе безкорыстно служить ближнимъ“. Въ эпоху написанія этихъ „правиль“ онъ, по его собственнымъ словамъ, „былъ почти до сумасшествія религіозецъ“. Л. М. Ло-

---

имѣло въ то же время и свою хорошую сторону. Разъ удалось послѣдовательно провести систему нестѣсненія по отношенію къ наиболѣе трудному для ухода больному, то сами собой падали возраженія противъ примѣненія этой системы и въ другихъ, обыкновенныхъ случаяхъ.—Начатый въ скромныхъ размѣрахъ въ частной лѣчебницѣ, принципъ нестѣсненія мало-по-малу проникъ во всѣ московскія больницы и затѣмъ распространился и на большую часть русскихъ больницъ вообще. И если въ настоящее время мы не считаемъ больнину, гдѣ примѣняется связываніе, благоустроенною и отвѣчающею своей задачь, то этимъ мы обязаны всецѣло С. С-чу, начавшему всю работу на свой страхъ и рискъ и блестяще ее выполнившему“. Важность этой заслуги возрастаетъ въ виду того, что еще и доселѣ встрѣчаются горячіе противники системы абсолютнаго no-restraint'a. Для примѣра г. Сербскій указываетъ на старшаго врача Петербургской психіатрической клиники д-ра Эрлицкаго, который въ своихъ лекціяхъ, вышедшихъ въ 1896 г., называетъ „безцеремонной неправдой или злою комедіей“ всѣ заявленія о фактическомъ примѣненіи системы абсолютнаго нестѣсненія.

патинъ по поводу этого замѣчанія говоритъ: „Впослѣдствіи эта религіозная окраска его взглядовъ на жизнь потеряла свою болѣзненную напряженность. Онъ во многомъ перемѣнился уметвенно; изученіе науки и философіи заставило его выработать иные взгляды и инныя убѣжденія; но совсѣмъ ли онъ разорвалъ съ прочувствованнымъ міровоззрѣніемъ своего дѣтства? Я уже не говорю, что практически, въ дѣятельной жизни, трудно быть христіаниномъ больше, чѣмъ былъ имъ покойный. Но мнѣ кажется, что и въ своихъ основныхъ задушевныхъ вѣрованіяхъ онъ не измѣнился, хотя и не любилъ говорить объ этомъ. За день до смерти онъ сказалъ своей сестрѣ: „передай мамѣ, что я умираю вѣрующимъ“. А вѣдь такіе люди, какъ С. С. Корсаковъ, не лгутъ никогда!“ Что касается собственно міровоззрѣнія, то Л. М. Лопатинъ, признавая покойнаго представителемъ фізіологической психологіи, отмѣчаетъ, что онъ отнюдь не былъ матеріалистомъ и выражалъ сочувствіе метафизикѣ. Въ своемъ „Курсѣ психіатріи“ онъ, давши фізіологическое объясненіе механизму психической дѣятельности, продолжаетъ дальше: „но спрашивается, что же пускаетъ въ ходъ этотъ сложный механизмъ, гдѣ ключъ, который его заводитъ? На этотъ вопросъ отвѣчаютъ различно. Есть наблюденія, которыя показываютъ, что если челобѣку прекращенъ доступъ всѣхъ ощущеній, то сознательная жизнь прекращается, онъ засыпаетъ. Изъ этого выводятъ, что толчекъ къ дѣятельности психическаго механизма даютъ ощущенія, т. е. внѣшніе стимулы. Но на это можно возразить слѣдующее: уже для того, чтобы было ощущеніе, нужна способность воспріятія этого ощущенія; нужно, чтобы это ощущеніе захватывалось, иначе внѣшній стимулъ дѣйствовалъ бы столько же, сколько онъ дѣйствуетъ на камень или дерево. Способность же схватывать ощущенія указываетъ на то, что существуетъ стремленіе къ этому, извѣстная степень активности. А отсюда выводъ тотъ, что только при существованіи активности, т. е. воли, въ широкомъ смыслѣ слова, и возможна психическая жизнь. — Но если первичный толчекъ для приведенія въ дѣйствіе психическаго механизма даетъ „воля“, понимаемая въ широкомъ смыслѣ слова, то естественнымъ является вопросъ — откуда она сама, откуда ея энергія? Есть ли она только видоизмѣненіе

механической энергiи, или это энергiя совсѣмъ другого порядка? Вопросъ въ высшей степени важный и глубокий, къ сожалѣнiю рѣшаемый многими крайне поверхностно подъ воздѣйствiемъ тѣхъ или иныхъ случайныхъ влiянiй, односторонняго направленiя вниманiя или прiобрѣтающаго непреодолимую силу привычки навязаннаго мiросозерцанiя. Для рѣшенiя его недостаточно современнаго положительнаго знанiя, и нельзя пренебрегать, какъ совершенно ненужнымъ хламомъ, тѣмъ, что говорятъ такъ называемые метафизики. Зная, какую важную роль въ нашей душевной жизни играетъ творческая работа безсознательной идеации, и какъ нерѣдко путемъ интуици открываются истины, которыя разумокъ осмышляетъ лишь впоследствии, мы не можемъ съ невѣжественной насмѣшкой относиться къ тому, что говорятъ многiе высоко-талантливые люди, считающiе себя представителями метафизики, только потому, что эта область умственныхъ изслѣдованiй носить такое дразнящее названiе“.

П. Тихомировъ.
